

ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДНИЧЕСТВА: "ТЕОРИЯ МАЛЫХ ДЕЛ"

Я. В. Абрамов был автором "теории малых дел", отразившей эволюцию взглядов той части народничества, которая, разочаровавшись в идеалах семидесятников, попыталась по-новому ответить на старые вопросы: что такое прогресс? в чем состоит роль интеллигенции? каким образом можно преодолеть пропасть, отделяющую просвещенное меньшинство страны от народа? Центральным в этой теории является вопрос о возможности использования земств как института местного самоуправления в общенациональных интересах.

Таким образом, сама по себе эта теория, весьма актуальная в период ее появления, небезынтересна и сегодня для нашей страны: развитие рыночных отношений, болезненная ломка традиционных коллективистских настроений в обществе требуют новых осмыслений развития общества на пути реформ. И одной из отправных точек может стать "теория малых дел", незаслуженно преданная забвению.

* * *

Становление "теории малых дел" пришлось на 80-е - начало 90-х гг. XIX в. - период резкого поворота в государственной политике России и серьезного идеологического кризиса, в котором оказалось народничество. Героическая борьба незначительной группы революционеров, вера во всеокрушающую силу народной революции, заговор, террористическую практику остались в прошлом. Идеи апостольской проповеди интеллигенции в немалой степени были подвергнуты ревизии в работах И. И. Юзова. Со страниц газеты "Неделя" он призвал согласовывать темпы "организации общественно-политических форм" с социальными настроениями, "чувствами" народных масс. Умалая воспитательное предназначение интеллигенции, Юзов требовал ее полного отстранения от "социальных опытов" над народными массами. Более того, в его понимании, просвещенное меньшинство общества обладало меньшим духовным потенциалом, нежели народ в целом, и поэтому должно было пересмотреть свою роль в жизни страны. Значение интеллигенции в деле преобразований ставилось им в прямую зависимость от ее соответствия общим интересам; желание навязать народу свое мнение ни к чему хорошему привести не может, нельзя "подгонять сверху, бюрократическим кнутом ход народной жизни по пути прогресса". Не революция, а мирные преобразования должны наметить вехи продвижения в будущее. При этом сама интеллигенция в лучшем случае могла стать "бродильным элементом" процесса эволюции, ограничиться "умственным и нравственным воздействием"¹.

Такой подход к оценке роли интеллигенции в историческом процессе не снял с повестки дня вопроса о взаимоотношениях образованного меньшинства и непросвещенного народа. Но приход в газету "Неделя" Абрамова в 1885 г. несколько изменил его трактовку.

Следует отметить, что некоторая общность идей во взглядах Абрамова и Юзова существовала, и в этом отношении определенная преемственность в позиции газеты была сохранена. Так, например, Абрамов, как и Юзов, не принимал "теорию прогресса" Михайловского. Его отталкивала сама идея совместить эволюцию человека и общества, выработать метод, позволяющий одновременно развивать человеческую индивидуальность и общественное устройство. По мнению Абрамова, "...прогресс общества вовсе не обуславливает собою прогресса личности, и личность в прогрессирующем обществе отнюдь не прогрессирует"². При этом он подчеркивал: "...цель существования общества — общее благо"³.

Выдвижение на первый план интересов целого, а не индивида, сознательное принесение в жертву обществу человека, несмотря на бросающуюся в глаза разность подходов, кардинально не меняли сути общей для народничества идеи ответственности за судьбу народа.

*Зверев Василий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного педагогического университета.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда. Проект 96-01-00317.

Происходила только ее трансформация применительно к изменившейся обстановке в стране. Если семидесятники были убеждены в невозможности утверждения на российской почве античеловеческих законов капитализма, считали их противоестественными самой сути прогресса, то Абрамов сильно сомневался в безапелляционности утверждений об отсутствии условий для развития товарного производства и обращения. Он достаточно легко соглашался с тем, что русский капитализм еще "недостаточно оперился". Но спор "о невозможности самого водворения капитализма в России" представлялся ему беспредметным. Пока публицисты полемизировали, поражая друг друга остротой наблюдений, капитализм "под шумок этих споров продолжал расти и развиваться"⁴.

К середине 80-х гг. капитализм пустил корни в крупной промышленности, железнодорожном и водном транспорте России, все больше проникал и в сельское хозяйство. Раз это так, делал вывод Абрамов, то все рассуждения о том, что "...в России почти все население живет трудом за собственный счет, должны быть сданы в архив". Время борьбы с ветряными мельницами собственных представлений должно остаться в прошлом. "Пора перестать бесполезно рассуждать о невозможности укрепления капиталистических порядков в нашем отечестве и обратить все внимание на то, чтобы возможно более оградить население от печальных сторон этих порядков", - писал он в статье "Наш капитализм"⁵.

Желание "оградить население от печальных сторон" капитализма практически снимало проблемы особого пути развития России и ее социалистического выбора. Раз капитализм стал реальностью, то в его ограничительных рамках и следует мыслить бытие. Социалистические мечтания могут привлекать заманчивой перспективой, но русский крестьянин живет сегодняшним днем и нуждается в неотложной помощи. Абрамову казалось, что тем самым он разрушает идеал героизма, присущий интеллигенции. В статье "Стоит ли работать в деревне?" публицист прямо писал: "Наша интеллигенция считает себя или слишком героической, или ни на что не способною. У нас все или герои, или тряпки. Не пора ли народиться среднему типу - человеку, способному на простое, честное дело. Нужда в таком человеке великая, и будущее принадлежит ему"⁶.

Итак, не герой, а образованный, трудолюбивый работник - вот идеал Абрамова. В этом его позиция расходилась с точкой зрения как Михайловского, так и Юзова. Первый склонен был считать людьми интеллигентными прогрессивно настроенных представителей интеллектуальных профессий (профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, литераторы, ученые). Второй огульно причислял интеллигенцию к "просвещенной бюрократии" (чиновники, инженеры, офицеры и т.п.). Абрамова не устраивали ни критерии по профессионально-образовательному признаку, ни оценка прогрессивности, которая, по его мнению, должна была зависеть от характера конкретной деятельности. Иными словами, истинная интеллигенция - это "трудовая интеллигенция". "Трудовая в том смысле, что она действительно работает не покладая рук, с утра до вечера. Это по преимуществу учителя и учительницы начальных школ... лица земско-медицинского персонала... захолустные судьи, лучшая часть духовенства... интеллигенция из крестьянства и мещанства и т.п."⁷ К этой интеллигенции и обращался в своих работах Абрамов, с ней он делился мыслями, на нее возлагал все надежды.

Выявив, таким образом, наиболее действенную силу, которая, по его мысли, могла плодотворно способствовать развитию всего общества в целом, Абрамов однозначно определял направленность ее деятельности. Трудовая интеллигенция важна не сама по себе, не как показатель зрелости общества, а как сознательная его часть, готовая "отдать все свои силы, всего себя на служение народу".

В целом моральный долг и жертвенность образованного меньшинства сводились к его готовности трудиться во имя народа и рядом с ним. Но одной только трудовой деятельности для сближения с народом явно недостаточно. Важно, чтобы идеи интеллигенции были осознаны и поняты простыми людьми. При этом никак нельзя обойтись без просветительства: "...только просвещенный народ в состоянии будет воспользоваться в должной мере плодами предстоящих реформ... только при условии просвещения народной массы эти реформы окажутся действительными, войдут в жизнь, ибо только просвещенный народ в состоянии понять и оценить значение реформ и воспользоваться предоставленными ему правами"⁸.

В своих представлениях о роли и месте интеллигенции в прогрессе общества Абрамов не пошел дальше общей для народничества идеи служения народу. В 80-х гг. XIX в. он только отделил ее от героики революционного штурма. Говоря о собственном неприятии субъективной социологии Михайловского, Абрамов сознательно стремился приземлить "дум высокое стремление", направить их в конкретное русло просветительской работы. Но и

сама просветительская деятельность приобретала у него более осязаемые контуры. В работах Абрамова она превратилась в развернутую программу "оседания интеллигенции на земле". По его словам, истинный интеллигент не побоится "слиться с народом, радея о его благе", не побоится "омужичиться" и сделает в конечном итоге больше, чем "несколько могущественных сановников со всеми их канцеляриями"⁹.

Одной из первых идей, прозвучавших в статьях Абрамова на страницах "Недели", стал призыв к просвещенному меньшинству покинуть крупные городские центры и идти в деревню, чтобы жить там. Жизнь в городах, по его мнению, была невыносима для самой интеллигенции из-за конкуренции, грошовой оплаты труда и т.д. Достаточно только взглянуть в жизнь русского мужика, писал Абрамов, чтобы понять, насколько важно перенесение деятельности людей просвещенных "...в среду, которая нуждается в их труде..."¹⁰. Русский крестьянин сторицей оплатит это подвижничество и в прямом, и в переносном смысле.

Все эти идеи по своей сути были новым, деполитизированным вариантом "хождения в народ", которое не могло принести ни почета, ни капитала, ни ореола мученика. В его основе было все то же осознание морального долга перед народом, но исполнение его Абрамов видел в кропотливом труде народного учителя, земского врача, статистика, агронома. На первый взгляд это незаметная и малоинтересная работа, "маленькие дела" большой страны. "Но из этих маленьких дел, - писал публицист, - складывается жизнь миллионов"¹¹.

Говоря о практике "малых дел", он не только пропагандировал необходимость труда интеллигенции в деревне, но и предложил универсальную и уже существовавшую форму объединения ее сил - земство. Абрамов считал, что "...правильная организация местного самоуправления могла бы значительно облегчить передвижение интеллигентных сил из центров в глушь и сделать их деятельность более плодотворной". Благодаря этому органы местной власти станут своеобразными форпостами, где будут концентрироваться необходимые силы для борьбы "...с представителями своекорыстия и личных интересов"¹².

По мнению Абрамова, земские организации воплощали в себе все лучшее, что было сделано на местах в результате реформ 60-х - начала 70-х гг. Там, где земства были введены, их благотворное влияние сказывалось на всех сторонах жизни народа. Их поддержка крестьянскому хозяйству была реально ощутимой. Но по Положению 1864 г. земства существовали только в 34 губерниях. Публицист считал это явно недостаточным и выступал за расширение сферы действия местного самоуправления. По его словам, "Подольская, Волынская, Киевская и Ставропольская губернии, Донская, Уральская, Кубанская и Терская области ждут еще введения земств..."¹³.

Обозначив форму организации сил интеллигенции и пропагандируя необходимость повсеместного введения земств в России, Абрамов критиковал их выборные органы, куда, по его мнению, попадали говоруны, краснобаи, Цицероны уездного масштаба. Нередко собрания гласных земств превращались в своего рода дискуссионные клубы, где можно было говорить обо всем и ни о чем, "забалтывать" действительно важные вопросы. Абрамов звал интеллигенцию не заседать среди гласных, а трудиться.

В определении интеллигенции и характера ее деятельности в земствах Абрамов очень близко подходил к понятию "третий элемент", которое часто использовали в своих работах публицисты либерального направления. Как справедливо отмечает Н.М. Пирумова, "третий элемент" — это люди, стоявшие вне сословий и административной табели о рангах. В данном случае представления Абрамова отражали общее стремление образованных и критически мыслящих людей в условиях контрреформаторской политики Александра III найти применение своим силам и заняться практической работой. В 80-х гг. земские учреждения стали пополняться «...людьми идейными, шедшими не "служить", а работать»¹⁴.

Уловив настроения части образованного меньшинства страны, Абрамов развернул широкую пропаганду земской деятельности. Его статьи 80-90-х гг. о мероприятиях земств по укреплению крестьянского хозяйства, развитию кустарных промыслов, ликвидации малоземелья и т.п. отражают передовой опыт хозяйствования, содержат подсказку, что и как делать, а их лейтмотивом является мысль о бескорыстном служении народу. Спектр интересов Абрамова обширен. В поле его зрения оказывались все мало-мальски значительные явления в деятельности земств, что иногда придавало его публикациям характер справочного пособия, излишне перегруженного фактологическим материалом. Но, видимо, автор и не претендовал на большее, чем популяризация и пропаганда достижений земских учреждений. Условно вопросы, рассматриваемые Абрамовым, можно подразделить на две группы: земства и экономические проблемы русской деревни, интеллигенция и социальная

сфера жизни народа. Собственно, весь комплекс предложений, вытекающий из анализа указанных проблем, и можно назвать конкретной программой "теории малых дел".

Главным моментом в ее осуществлении сам автор считал улучшение положения крестьянского хозяйства. Без этого невозможно было говорить о повышении уровня образования, о развитии медицины и т.п. Абрамов неоднократно подчеркивал, что "до тех пор, пока наш народ не выйдет из принижающей его нищеты... все лучшие начинания будут разбиваться об эту бедность"¹⁵.

Отечественная статистика (в том числе и земская) неопровержимо свидетельствовала о малоземелье крестьян, о высоких выкупных платежах на землю, о непомерно больших прямых и косвенных налогах, о нехватке скота в крестьянском хозяйстве, о низком уровне сельскохозяйственной техники и слабых агрономических знаниях земледельцев. Земства в меру своих сил и возможностей пытались облегчить трудности деревни. Абрамов внимательно всматривался в деятельность местной власти, подробно рассказывал о тех ее мероприятиях, которые, по его мнению, заслуживали всероссийского распространения и применения.

Решение проблемы малоземелья он во многом связывал с предоставлением крестьянам при посредстве земств кредитов на куплю земли или на аренду государственной земельной собственности. Таким путем, считал Абрамов, можно было хотя бы частично утолить "земельный голод". Идея использования учреждений местного самоуправления в роли буфера между банками и крестьянскими хозяйствами привлекала публициста как практическая мера по развитию земской инициативы. Облегчение положения крестьянства и работа интеллигенции представлялись ему взаимосвязанными и неразделимыми. Крестьяне получали столь необходимую им землю, а интеллигенция брала на себя моральную и финансовую ответственность. В результате и мужик, и интеллигент оказывались связанными общими интересами и совместными обязательствами. Каждый из них должен был выполнять свой долг в зависимости от собственных сил и возможностей.

С точки зрения Абрамова, финансовая помощь не являлась единственным средством в ликвидации малоземелья. Тяжелое налоговое бремя могло быть частично уменьшено при обращении к старинной системе общественных запасов. Получаемый с них доход мог быть использован, по его мнению, для выплат в местный бюджет, а жители деревни приобретали навыки совместного труда во имя общего блага.

Без всякого сомнения, попытки земств решить проблему малоземелья и облегчить финансовую ситуацию в деревне заслуживали всяческой поддержки. Однако как по форме, так и по содержанию способы решения этой проблемы были весьма наивными. В условиях развития товарного производства обычно это было проявлением благотворительности, которая напрямую зависит от наличия денежных резервов. Возможности же земств в этом отношении были весьма ограничены.

Особый интерес представляют предложения Абрамова по сбыту сельскохозяйственной продукции. Поскольку между производителями и потребителями стоял посредник, зачастую нечистый на руку и стремившийся в целях собственной выгоды сбить закупочную цену и повысить отпускную, земства должны были вытеснить таких дельцов и обеспечить крестьянам сбыт продукции - все это было по плечу местному самоуправлению. Образованные и совестливые люди олицетворяли для автора "теории малых дел" идеальный тип делового человека. Да и сам подход к ведению торговых операций был построен на моральных критериях взаимоотношений между производителем и покупателем. Земства должны были выполнять регулирующие и координирующие функции, приспособлявая российскую деревню к новым условиям.

Не меньшее значение придавалось в "теории малых дел" и вопросу об улучшении культуры ведения крестьянского хозяйства. В первую очередь предлагавшиеся меры требовали всестороннего участия земств в местной экономической жизни, решения ими задач развития производительных сил¹⁶. Абрамов активно пропагандировал в своих работах опыт по обеспечению населения семенами высокопродуктивных сортов зерновых и огородно-полевых культур, по разведению породистого скота, изготовлению и использованию улучшенных сельскохозяйственных орудий, разведению пчел и т.п.¹⁷

Наряду с этим его привлекала и деятельность земств по внедрению агрономических знаний в крестьянской среде. Особенно заинтересовала Абрамова подготовка Красно-уфимским реальным училищем (Пермская губерния) земских агрономических смотрителей, задачей которых было "...распространение передового сельскохозяйственного опыта в народе". Находясь в прямом подчинении губернской управы, они должны были оказывать конкретную помощь: консультативную, агрономическую, землеустроительную (при пере-

делах земли), практическую (в борьбе с вредными насекомыми, грызунами и т.п.). Смот­рители собирали также статистические сельскохозяйственные сведения, распространяли научно-популярную литературу¹⁸. Оценивая пятилетнюю деятельность пермяков, Абрамов писал, что "доказана возможность реального научного руководства крестьянским сельским хозяйством, его улучшения и самосовершенствования". В сознании простых людей были сломаны сложившиеся стереотипы, "...преодолен барьер недоверия к научно-практическим рекомендациям зрителей"¹⁹.

Абрамов предлагал распространить институт зрителей на всю страну, открыть училища для их подготовки в других губерниях, создать центральный координирующий орган общероссийского масштаба. Но эти проекты, к сожалению, так и не были реализованы из-за косности, неповоротливости и близорукости российской бюрократии.

Существенное место в творчестве Абрамова занимала и другая, столь любимая народниками тема - развитие промыслов, которая рассматривалась сквозь призму деятельности земств. Народнический публицист понимал, что изделия кустарной промышленности могут быть конкурентоспособными только в случае высокого качества и приемлемой для потребителя цены. А это связано с применением техники, совершенствованием научно-технических знаний, что невозможно без получения дешевого и долгосрочного кредита, на предоставление которого государственные и частные банки шли крайне неохотно. Абрамов вполне резонно указывал на необходимость создания земских кредитных учреждений. Одновременно он констатировал, что деятельность ссудо-сберегательных товариществ в деревне не оправдала себя. Хотя эти учреждения в течение некоторого времени способствовали появлению новых промыслов, но в целом они ориентировались на поддержку строго определенной группы кустарей. Главный их недостаток коренился в самом принципе функционирования: пока поступали кредиты, организация работала, с прекращением же финансирования наступал крах (типичный пример - ссудная касса Царевококшайского уездного земства Казанской губ.). Надо сказать, что Абрамов был совершенно прав в своем скептическом отношении к возможностям ссудо-сберегательных товариществ. По подсчетам одного из крупнейших знатоков земского движения Б. Б. Веселовского, в 80-х гг. было открыто 422 таких учреждения, но они быстро свернули свою деятельность²⁰.

Анализируя вопрос о субсидировании кустарных промыслов, Абрамов сумел увидеть один из главных недостатков в деятельности земств. Отсутствие необходимых средств для развития местной промышленности было лишь частным выражением крайне слабой финансовой базы местного самоуправления. Строго централизованная система взимания налогов оставляла лишь минимум бюджетных сумм для функционирования органов власти на местах. В этих условиях все попытки оказания помощи кустарям сталкивались с такими препятствиями и сложностями, которые земство не в силах было преодолеть.

Гораздо более широкие возможности имелись у местного самоуправления в области организации сбыта кустарной продукции. Земства могли выступать в качестве посредника между оптовыми покупателями и отдельной группой кустарей. Так, например, действовала Новооскольская управа при поставке сапог местного изготовления в армию. Кроме того, создавались учреждения для реализации кустарных изделий на рынке. Невысокий комиссионный процент к первоначальной стоимости продукта, достаточно быстрая его реализация позволяли уменьшить влияние местного кулака-перекупщика, увеличить доход кустаря и в конечном итоге улучшить его материальное положение. Такой род деятельности был характерен для пермских комитетов по улучшению экономического положения населения.

Надо сказать, что идеи Абрамова относительно улучшения состояния крестьянского хозяйства при помощи земств можно охарактеризовать как программу надежд. Реализация большинства широких проектов упиралась в финансовые трудности и негативное отношение центральной власти к любым проявлениям хозяйственной инициативы с мест. Поэтому многие предложения Абрамова были высказаны в сослагательном наклонении и так часто в его работах слышны сожаления по поводу неудач.

В целом Абрамов высоко оценивал инициативу местного самоуправления. Благодаря настойчивости земств были снижены выкупные платежи, ликвидирована подушная подать, законами от 22 мая 1881 г. и от 9 ноября 1884 г. сельским обществам было предоставлено преимущественное право участия в земельных торгах. Не без участия земств правительство пошло на принятие в 1888 г. лесоохранительного закона, предприняло меры по благоустройству на новых местах переселенцев. При чтении работ Абрамова нередко возникает впечатление о растворении собственной позиции автора в требованиях органов местного самоуправления. Он полностью солидаризируется с их предложениями, как бы становится

рядовым сотрудником земства, живущим его повседневными проблемами, отдающим всего себя незаметной, но важной работе по повышению благосостояния русской деревни.

Однако чаще всего конкретные и четкие предложения, содержащиеся в ходатайствах земств, оставались без ответа. По подсчетам Б. Б. Веселовского, в период с 1865 по 1884 г. из 2577 ходатайств уездных земств 1354 (52%) были отклонены. В 1890 г. правительство лишило уездные органы местного самоуправления права возбуждать ходатайства, что вызвало резкое увеличение числа обращений на губернском уровне. В 1890-1904 гг. их было подано около 12 тыс., а удовлетворено не более 3,5 тыс., причем наиболее существенные были отклонены²¹. Царская бюрократия явно не хотела прислушиваться к голосу общества. В итоге не оправдалась и эта надежда Абрамова.

Завершая рассмотрение экономического содержания "теории малых дел", обратим внимание на совпадение (даже текстуальное) предложений Абрамова по улучшению благосостояния русской деревни с программой российских либералов, выдвинутой в начале 80-х гг.²² Причины столь поразительного сходства коренятся, на наш взгляд, как в концептуальных подходах, так и во влиянии обстановки в стране на эволюцию некоторых теоретических положений. Абрамов, как и либералы, ориентировался на ненасильственный, мирный путь развития общества. Это изначально диктовало потребность действовать, соизмеряя свои желания и поступки с действительностью, принимать ее как данность. Одновременно принцип эволюционизма требовал отказа от утопических настроений, сознательного "приземления" программных требований, их соотнесения с мировоззрением и культурным уровнем народа.

В немалой степени на сближении либеральной и народнической доктрин в интерпретации Абрамова сказался и провал попыток реализации политических требований. Для части народников это выразилось в поражении "Народной воли". У либералов изменение внутриполитического курса в начале 80-х гг. означеновалось прекращением подачи записок, адресов, ходатайств, в которых однозначно требовалось предоставление политических свобод и введение конституции²³. Но сближение позиции Абрамова со взглядами либералов еще не означало его отказа от основополагающих принципов народничества. Его экономическая программа "теории малых дел" базировалась на примате общественных интересов, второстепенности индивидуализма, на идее морального долга интеллигенции перед народом.

Можно сказать, что в вопросе о роли земства в решении насущных проблем хозяйственной жизни крестьянства Абрамов прагматичен и реалистичен. Но все попытки энтузиастов земского движения (к которым, без сомнения, относился и сам Абрамов) использовать органы местного самоуправления для эффективного влияния на положение российской деревни давали результаты, несоизмеримые с издержками морального плана. И хотя постепенно масштаб деятельности земств расширялся, увеличивался их бюджет²⁴, однако в целом для России этого было явно недостаточно.

На наш взгляд, надежда на интеллигенцию проявилась в анализе и пропаганде Абрамовым мероприятий по развитию социальной сферы жизни русского крестьянства. Его программа включала два направления: становление местного здравоохранения и образовательно-просветительская практика.

В сфере здравоохранения Абрамов ставил в заслугу земству разработку системы оказания неотложной медицинской помощи населению на принципах общедоступности и минимальной оплаты. Его идеалом была "...стройная организация земской медицины... с ее сельскими больницами и больничными покоями, по несколько на уезд, с сетью амбулаторий, охватывающих все население, с десятком врачей на уезд и лекарскими помощниками на особых пунктах"²⁵. Не всегда и везде этого удавалось добиться. Но сложившийся в медицинской практике стационарно-пунктовый подход позволял врачу не тратить значительную часть времени на разъезды, а проводить прием в определенном месте, где находился стационар для больных и имелось необходимое медицинское оборудование.

Нельзя сказать, что Абрамов идеализировал опыт земств. Одной из серьезнейших проблем, по его мнению, была нехватка квалифицированного медицинского персонала, остро стоял вопрос об оплате лечения. Во все большей степени ощущалась потребность создания не только губернских, но и уездных больниц. В идеале, полагал Абрамов, вся медицинская помощь должна быть перенесена в село, где роль медиков возрастала день ото дня.

Занимаясь лечением людей, земские врачи не только врачевали телесные недуги. Они в корне меняли отношение населения к квалифицированной медицинской помощи, поднимали престиж доктора, вырывали больных из рук полуграмотных деревенских лекарей. Под

влиянием специалистов изменился уход крестьян за детьми. Создаваемые земствами на время летних работ детские приюты находили поддержку у сельских обществ, так как женщины освобождались от забот, а дети оберегались от несчастных случаев. В результате детская смертность на селе стала снижаться.

Пафос, с которым Абрамов говорил об успехах земской медицины, объясняется, видимо, тем, что достижения эти подтвердили правильность его тезиса о необходимости сближения с народом путем культурнической работы. Организация здравоохранения на селе - это только один из каналов влияния на сознание крестьян, одна из возможностей приблизить крестьянский быт к уровню быта образованного меньшинства страны.

Большие надежды Абрамов связывал и с организацией просветительских учреждений в деревне, и с народным образованием. Бесспорной для него была тяга народа к просвещению. Русская интеллигенция, по его мнению, должна была помочь реализовать эту тягу. Необходимо было дать возможность тысячам и тысячам крестьян (всех возрастных категорий) получить образование. Однако существовавшая в стране система преподавания в государственных школах, а также атмосфера, царившая там, далеко не способствовали осуществлению этой цели. В начальных классах для простых людей в лучшем случае обучали навыкам механического чтения, счету, письму. На этом, собственно, обучение и заканчивалось. Запас знаний, получаемый ребенком за трехлетнее пребывание в школе, был минимален, построение учебного процесса архаично. Говорить о каком-либо прогрессе в деле образования тогда не приходилось.

Критикуя правила и нравы государственной школы, Абрамов сформулировал свое понимание принципов учебно-просветительской деятельности. Для него образование было важнейшим элементом воспитания нравственной личности, мыслящей не категориями эгоизма, а общественного блага. Основными моментами в педагогическом процессе Абрамов считал нравственную связь между учителем и учениками, полное доверие и взаимопонимание, без которых невозможны внутренняя раскрепощенность и творческое сотрудничество.

По сравнению с государственной школой земские учебные заведения отличались в лучшую сторону. Абрамова интересовало буквально все в жизни земских школ: создание условий общедоступности начального образования, материальное обеспечение, подготовка преподавательских кадров, предоставление общежития для учеников отдаленных деревень и т.п. Работы Абрамова переполняют факты такого рода, и он не устает их повторять, считая крайне ценной для организации и становления образовательного дела пропаганду в печати всего нового и передового.

Привлекала внимание народнического публициста и организация управления земским образованием. Если уездные земства взяли на себя содержание начальных школ, то губернские органы сконцентрировали свое внимание на устройстве средних учебных заведений, специальных ремесленных, сельскохозяйственных и медицинских школ, заботились о подготовке учителей, осуществляли общую координацию деятельности. Такая система представлялась Абрамову логично продуманной и выдержавшей проверку временем. Взаимосвязанность начального и среднего образования позволяла учащимся при желании и возможности продолжать свое образование в будущем.

Основным звеном в сложившейся системе Абрамов по праву считал начальную школу. Как он писал, "начальная школа - это будущее нашего народа, будущее всего отечества"²⁶. В своих работах он указывал на необходимость широкой профессиональной подготовки для крестьянского населения. Существовавшие государственные ремесленные и сельскохозяйственные школы готовили мастеров, которые в лучшем случае получали место на городских предприятиях и в помещичьих имениях, либо устраивались на любые работы и даже шли в лакеи. Да и сама программа этих учебных заведений была однобокой и однообразной.

Узкий выбор профессий, предлагаемых государственными учебными заведениями, обусловил нехватку знающих специалистов и мастеров в деревне. Директор Красноуфимского реального училища Н. А. Соковнин свидетельствовал, что существуют целые районы, "...где нет человека, умеющего сносно сложить печку, где никто не умеет сварить обыкновенного мыла, сделать обыкновенную сальную свечку, сварить... сыр"²⁷. Крестьяне не в состоянии перерабатывать продукты сельскохозяйственного труда и предпочитают поставлять сырье и продукты на рынок. Сам Соковнин сумел переориентировать возглавлявшееся им учебное заведение на подготовку специалистов земледелия, техникумов. Училище было нацелено на практическое образование и тем снискало себе широкую известность. Заявки на его выпускников (до полусотни человек в год) поступали со всех концов страны.

Повседневная жизнь подсказала земствам необходимость создания при государственных школах ремесленных классов и отделений, где ученики приобретали бы необходимые профессиональные навыки и умения, расширяли свой умственный кругозор. В итоге деревня получала подготовленных и образованных тружеников, способных бороться с нищетой, технической отсталостью хозяйства и успешно вести его в условиях новых товарных отношений.

Оценивая в целом "теорию малых дел", необходимо отметить в ней наличие двух уровней. Первый касается непосредственно "культурнической" программы, выявления ее основных направлений, форм и методов деятельности. Абрамов всесторонне ознакомил своих читателей с богатым опытом земств, делился наблюдениями и соображениями по улучшению общего положения дел, определял недостатки. Он обозначил два направления работы, вполне обоснованно указал на главное препятствие для развития земского движения — отсутствие финансового обеспечения. В значительной степени народнический публицист предлагал компенсировать это подвижничеством и альтруистическим порывом русской интеллигенции. Нетрудно заметить, что в программе полностью исчезли политические требования. Политика даже не оттеснена на второй или третий план, а полностью заменена "культурнической" практикой. Можно сказать, что, в представлении Абрамова, "культурничество" и есть политика интеллигенции. Программа Абрамова проста, понятна и реализуема. В ней отразилось действительное положение русской деревни, желание части интеллигенции оказать помощь страдающему народу и настоящий, неподдельный интерес к деятельности земств. Предлагавшиеся меры по ее реализации не были новы и оригинальны. Попытки работать среди крестьян и вместе с крестьянами были известны и ранее, но впервые способы влияния на народ были сведены Абрамовым в систему и представлены в виде программы. Ее сильные стороны заключались в четкой адресности (трудовая интеллигенция), выборе формы организационной структуры (земство) и признании социальной проблемы (порожденная капитализмом). Это первый, так сказать, «внешний уровень "теории малых дел"».

Внутреннее, сущностное содержание ее состоит, по нашему мнению, в другом. Абрамов стремился адаптировать культуру крестьянства и интеллигенции к изменившимся условиям существования, вписать их (по возможности безболезненно) в структуру товарной экономики и новых ценностных ориентиров. По своей сути намеченная программа мер, конечно же, отличалась от идеи "спасения деревни". В ней нет глобалистских идей, она основана на принципе постепенности и приспособляемости. Однако все изменения не идут дальше установления новых внешних отношений. Характер крестьянского быта остается по-прежнему традиционным. Улучшение материальной базы, технического оснащения, пополнение и приобретение новых знаний, просвещение и образование должны интегрироваться в сложившуюся структуру, улучшить, но не принципиально изменить ее. В своих взглядах Абрамов прежде всего защитник традиции.

Фактически он пытался создать новый миф для интеллигенции, сознание которой на рубеже 70-80-х гг. испытало серьезнейшее потрясение. Это был миф полезности и всеохватности "культурнической" деятельности. Простой по форме выражения, легко воспринимаемый читателями, он достаточно быстро внедрялся в сознание, тем более что по своей сути несколько не противоречил идее морального долга интеллигенции перед народом и ее миссионерской деятельности. В нем также присутствовала вера в неограниченные возможности науки, но науки не отвлеченной, а прикладной. Однако демократическая направленность изложения являлась одновременно и его слабостью. Одной ориентации на сохранение традиционных устоев деревни для безболезненной адаптации крестьян к условиям рынка было уже явно недостаточно. Уход в область "культурничества" не учитывал еще одной важной стороны вопроса: ведь вакуум политической жизни неминуемо заполняется, как известно, другими теориями, и не обязательно умеренного, центристского толка.

Примечания

¹ Каблиц И. И. [Юзов]. Народолюбие и народничество // Неделя. 1884. № 10. С. 336.

² Абрамов Я.В. По разным ведомствам (По поводу выхода в свет собрания сочинений Н.К. Михайловского) // Книжки "Недели". 1898. № 1. С. 172.

³ Его же. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. С. 500.

⁴ Его же. Наш капитализм // Неделя. 1886. № 47. С. 1545.

⁵ Там же. С. 1547.

- ⁶Абрамов Я.В. Стоит ли работать в деревне? // Неделя. 1885. № 41. С. 1412.
- ⁷Его же. "Неделя" и П.А. и В.А. Гайдебуровы // Юг. 1894. № 117. С. 3.
- ⁸Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 1.
- ⁹Его же. Тяготение к земле. С. 500.
- ¹⁰Его же. Еще о наших специалистах // Неделя. 1885. № 38. С. 1320.
- ¹¹Его же. Преувеличенные обвинения // Неделя. 1885. № 49. С. 1716.
- ¹²Его же. Самоуправление и интеллигенция // Неделя. 1885. № 40. С. 1379, 1380, 1381.
- ¹³Его же. Вольные врачи в деревне // Неделя. 1892. № 42. С. 1365.
- ¹⁴Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 111, 112.
- ¹⁵Абрамов Я.В. Тяготение к земле. С. 501.
- ¹⁶Его же. Опыт агрономической организации//Неделя. 1887. № 43. С. 1378.
- ¹⁷Его же. Народнохозяйственный подъем // Неделя. 1888. № 10. С. 326-327.
- ¹⁸Его же. Опыт агрономической организации. С. 1378, 1379, 1380-1381.
- ¹⁹Там же. С. 1379-1380, 1382; его же. Народнохозяйственный подъем. С. 328.
- ²⁰Веселовский Б. Б. Земство и земская реформа. Пг., 1918. С. 23.
- ²¹Его же. История земств за сорок лет. СПб., 1910. Т. 3. С. 402, 406.
- ²²См.: Арсеньев К.К. Внутреннее обозрение//Вестник Европы. 1882. Кн. 4. С. 895.
- ²³Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 138.
- ²⁴В 1876 г. общий бюджет земств составлял 30,5 млн. руб., в 1880 г. - 36 млн., в 1885 г. - 43 млн., в 1890 г. - 48 млн., в 1895 г. - 66 млн., в 1900 г. - 88 млн. (Львов Г.Е., Полнер Т.П. Наше земство и 50 лет его работы. М., 1914. С. 26-27).
- ²⁵Абрамов Я. В. Край без земства // Неделя. 1895. № 3. С. 95.
- ²⁶Его же. Педагогические нелепости // Неделя. 1890. № 48. С. 1550.
- ²⁷Его же. Замечательный деятель // Неделя. 1893. № 8. С. 253.